

ЦЕННОСТИ — важнейшие компоненты человеч. культуры наряду с нормами и идеалами. Их существование укоренено в экзистенциальной активности субъекта культурного творчества, его диалоге с другими людьми, ориентированном не только на область сущего, но и на значимое, нормативно-должное. Традиция классич. идеализма от Платона до Гегеля проводила опр. отождествление онтологич. и аксиологич. проблематики: бытие наделялось мыслителями этой плеяды изначально ценностным измерением. Разрушение строгого единства онтологии и *аксиологии* существ, образом обострило проблему Ц. Если допустить, что бытие и производные от него образования — сущее — сами по себе ценностно нейтральны, то тогда требует решения вопрос, каким образом возникает видение вещей с т.зр. их аксиологич. значимости, к-рое пронизывает культуру и к-рое невозможно отрицать. Отсюда берет свое начало линия поиска истоков ценностного сознания в самом человеке и его культуросозидающей деятельности. В учениях нату-ралистически-психологической направленности от прагматизма до социобиологии естественно-природные импульсы рассматриваются как побудит, мотивы ценностных предпочтений человека. Следуя по стопам Канта, представители неокантианства баден. школы заговорили о ценностно-нормативном компоненте чистого сознания, выявляемом трансцендентальной рефлексией. Если в экзистенциализме *Хайдеггера* онтологич. анализ оборачивается отвержением аксиологич. проблематики, то *Сартр* приходит к выводу, что Ц. как особого рода нормативная реальность производна от акта самосозидания человека, его свободного волеизъявления. Синтезируя марксизм и экзистенциализм, Сартр писал об обществ. характере Ц. Эта тема отчетливо звучит и в неомарксизме *Хабермаса*. *Витгенштейн* исследовал лингвистич. аспект ценностного сознания. Попыткой радикального избавления философии от ценностной проблематики стало постструктуралистское учение *Деррида*, где аксиологич. вопросы предстают как порождение фонологоцентристского строя европ. мысли. И все же само существование в языке фундаментального акта различения, зафиксированного Деррида, свидетельствует в пользу невозможности избавления от ценностного сознания: обнаруживая тождество и нетождественность, мы неминуемо движемся к утверждению ценностно-значимого. За многообразием языкового тождества и нетождественности скрывается способность субъекта культуры к *символич. воображению*, благодаря к-рому конституируется ценностная предметность. Источник ценностной предметности — соотношение иногда совершенно разнородных явлений с опр. эталоном. Так, напр., несхожие между собой природные и культурные реалии могут стать предметом эстетич. созерцания и оценки. При этом эталонные представления отнюдь не всегда рефлексивно осмыслены, и поэтому их своеобраз. заместителем служит *символ*, созидающий при помощи метафорич. переноса, сближения разнородных явлений ценностно-смысловую предметность. Рождаясь в сфере экзистенциальной активности субъекта, Ц. обретают статус общезначимых в процессе коммуникации. Говоря о нек-рой совокупности объектов как Ц., необходимо отнести их к единому семантич. полю. Метафора позволяет осуществить перенос значений, объединяя, казалось бы, ничем не схожие явления под знаком символич. единства. Объединяя разнородное, символ одновременно дифференцирует ареал ценностей в кач. и ко-лич. отношении, порождает эту реальность как отмеченную многообразием вариаций. Вырастая из данности *жизненного мира*, каждая сфера культурной деятельности человека обладает имманентным ей ценностным измерением: ценности материальной жизни, экономики, социального порядка, политики, морали, искусства, науки, религии достаточно автономны. Однако каждый тип культуры связан с иерархизацией, соподчинением ценностных сфер. Общеизвестна универсализация эстетич. подхода к миру в эпоху античности или религиозно-нравственного — в ср. века. Новое время, период либерального капитализма наделяет статусом общезначимых стоимостные характеристики, запечатлеваемые в денежной символической. Коммуникация, обмен разл. видами деятельности между людьми, как показал Маркс, заставляет увидеть некое универсально-стоимостное начало в каждой предметной Ц. Деньги — символ всеобщего стоимостного начала, имеющий колич. выражение. Тоталитарные общества фашистского и коммунистич. типа универсализируют полит. власть, находящую

концентрированное выражение в символе вождя. В пространство власти помещаются Ц. иного порядка. Процесс развития культуры сопряжен с переоценкой Ц., начинающейся с выдвиганием нового эталона, с позиций к-рого рассматриваются предметы, обладающие ранее установленными ценностными характеристиками. Здесь проявляются метафорич. возможности символич. воображения, его культуросозидающая мощь. Множество предметов, иерархизированное сообразно с опр. порядком, теряет жесткие очертания и трансплантируется на новую ценностно-смысловую основу. В зависимости от избираемого основания классификации ценности делятся на предметные и субъектные, жизни и культуры, ценности-средства и ценности-цели, относит. и абсолютные и т.д. Особую значимость в совр. мире приобретает вопрос о диалектике относительного и абсолютного в ценностном сознании. Универсальные ценностно-смысловые ориентиры, необходимые человечеству, могут формироваться как рез-т рефлексивного осмысления *диалога* разл. культур. Ценностное сознание определяет нормы — стереотипы мысли и действия, принимаемые в границах той или иной социокультурной общности. Нормы регламентируют деятельность людей во всех сферах культуры — от элементарных актов материально-практич. характера до морали, искусства, науки и религии. Они варьируются по степени общности от субкультурных до разделяемых в границах нац. культур и общегуманистич., универсальных. На базе норм складываются разл. социальные технологии, способы рационализации жизненного мира. Нормативность и творчество — две взаимодополнительные стороны культуры. В своем истор. бытии нормы неотрывны от существующих в данной культуре Ц., ибо переводят представления о них в инструментальный план. Если Ц. как правило простерты в измерениях прошлого, настоящего и будущего, нормы как бы возвышаются над временем, но не могут уйти от суда истории. Вместе с изменением ценностной шкалы, выдвиганием новых идеалов социокультурного плана изменяются и нормы. Идеал — проектируемый субъектами коммуникации совершенный образ предмета, наделенный ценностным измерением универсальности, абсолютности. Обладая эталонным статусом, идеал являет проекцию будущего, с позиций к-рой выносится вердикт настоящему и прошлому. Выдвижение разнообр. идеалов, глобальных образов будущего — значимый фактор развития культуры.

Лит.: Соколов К.Б. Социальная эффективность художественной культуры: Процессы распространения и освоения худож. ценностей. М., 1990; Ценности культуры и современная эпоха. М., 1990; Культура и ценности. Тверь, 1992; Кризисный социум. Наше об-во в трех измерениях. М., 1994; Культурология. XX век: Антология. Аксиология, или Филос. исслед. природы ценностей. М., 1996.

Б.Л. Губман

ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ - комплекс духовных детерминант деятельности людей или отд. человека, а также соответствующих им социально-психол. образований, к-рые интерпретируются в положит. ракурсе их значений. В качестве таких детерминант могут выступать представления, знания, интересы, мотивы, потребности, идеалы, а также установки, стереотипы, переживания людей.

Понятие «Ц.о.» используют применительно к отд. человеку или группе лиц, но не к об-ву в целом. В процессе целостного анализа об-ва используют понятия «ценности культуры», «духовные ценности культуры», «жизненные ценности». В последних случаях имеют в виду некие стратегич. детерминанты поведения больших групп людей, укорененных в течение длит. периодов времени в опр. социокультурной среде. Отсюда проистекают общие и отличит. признаки, существующие в трактовке и использовании понятий «Ц.о.», с одной стороны, и «ценности культуры», «жизненные ценности», с другой. Применение понятия «Ц.о.» отображает направленность анализа на преимущественно социальные (индивидуальные или групповые), синкретично-психол. проявления, в то время как понятия «ценности культуры», «жизненные ценности» ориентированы на изучение общекультурных явлений, в к-рых с большой определенностью вычленяются духовно-ориентационные, рационально-смысловые компоненты, а также проблемно-содержат. аспекты. Вместе с тем проявления как Ц.о., так и «ценностей культуры» трактуются как мощные мотиваторы культурного поведения человека; они служат стимулами для достижения разнообр. целей, для защиты неких ценностно-символич. императивов. Посредством и Ц.о., и «ценностей культуры» в том или ином об-ве формируются стандарты культурных оценок, определяется иерархия жизненных целей и выбор методов их достижения. Однако формы реализации указанных функций в том и другом случае осуществляются по-разному. Система Ц.о. выступает как аспект, сторона нормативно-ролевых структур поведения людей; в самой этой системе существует множество оперативных, неустойчивых элементов, хотя есть и глубоко укорененные стереотипы. Система же «ценностей культуры» по большей части находит место в реализации экзистенциально-феноменологич. аспекта человек. деятельности; ее компоненты более стабильны, динамика их изменений более замедленна, чем динамика элементов Ц.о., развиваемых на уровне поведения социальных групп или отд. человека.

Понятие Ц.о. впервые использовали как категорию анализа амер. социологи У. Томас и Ф. Знанецкий в 20-х гг. в ходе изучения польских крестьян, избравших постоянным местом жительства США. С тех пор проблематика Ц.о. исследуется в ряде научных дисциплин — эстетике, этике, социологии, психологии, философии. Широко применяют это понятие в социальной и культурной антропологии.

Лит.: Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969; Соколов Э.В. Культура и личность. Л., 1972; Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.

Г.А. Аванесова

ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ (от лат. - благоговение, священнодействие, культовый обряд) — вид сигнального, семантически акцентированного поведения, при котором преследуется цель не только передачи окружающим к.-л. информации об имеющихся месте ситуации или события, но и подчеркивается их особая значимость, исключительность, нетривиальность. В отличие от демонстративного поведения, являющегося, как правило, игровой имитацией исполнения к.-л. функции, Ц.п. обычно сочетает в себе реальную функциональность (стремление к достижению практич. цели, по крайней мере по намерениям самих субъектов действия) с повышенной семант. окрашенностью самой процедуры осуществляемого действия. Т.о., Ц.п. — это прежде всего специфич. тип процедуры действия субъекта в особо значимых ситуациях или событиях.

Конкр. черты и семантика разных видов Ц.п. складываются исторически и закрепляются в обычаях, ритуалах, обрядах, канонах, этикете и иных формах высококонформативных символич. действий, сам уровень нормативности к-рых связан с уровнем исключительности и социальной значимости ситуации (рождение и инициация ребенка, свадьба, похороны, религ. обрядность, воинские ритуалы, дипломатич. и придворные церемонии, демонстрация статусной роли или пиетета по отношению к старшему по статусу и пр.). Многие формы Ц.п. ведут происхождение от религ. ритуалов или обладают сакральной санкционированностью и закреплены в каноне. В принципе элементы Ц.п. практически всегда присутствуют в этикете, где помимо принципиальных норм, конкр. формы к-рых варьируются ситуативно (вежливость, доброжелательность, гостеприимство, пиететность и др.), имеют место и поведенч. процедуры с инвариантными формами проявления. Т. о., Ц.п. может быть определено как вид этикетного поведения с преобладающими инвариантными, закреплёнными в каноне и традиции процедурными поведенч. формами.

Лит.: Goody J. Religion and Ritual // The British Journal of Sociology. 1961. V. 12, № 2.

А.Я. Флиер, Н. С. Шишова

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ КОНЦЕПЦИИ (Ц.к. «культурно-исторических типов, «великих культур», «локальных цивилизаций» и т.п.) — в *культурологии* осмысление культурно-исторического процесса в контексте плюралистической исторической модели, основанной на аналогии с органической жизнью.

Сторонники Ц.к. полагают, что подобно живым организмам, культуры проходят цикл развития от рождения до смерти, если их развитие насильственно не прерывается. Они абсолютно уникальны, замкнуты, их глубинные культурные смыслы недоступны друг другу. Историческая необходимость проявляется лишь как неизбежность прохождения этапов жизненного цикла отдельных культур (логика судьбы — *Шпенглер*), поэтому бессмысленно говорить о единых путях исторического развития, общих его целях и культурных универсалиях. Это пустые понятия, устранив к-рые можно обнаружить живое многообразие исторической жизни. Критика сторонников Ц.к. направлена против представления о едином, всеобщем историческом развитии человечества с выделением стадий древней, средневековой и новой (новейшей) истории. Они полагают, что такая схема является неправомерной экстраполяцией европейской истории на всемирную, отражающей не объективные закономерности исторического развития, а лишь угол зрения европейского исследователя. Отказавшись от линейности в трактовке историко-культурного процесса, приверженцы цивилизационной методологии приходят к идее культурной морфологии (*Морфология культурная*), и картина мира как истории предстает как вечное обновление, становление и угасание **культурных форм**, совокупность которых и реализует все богатство исторической жизни. Классические теории в рамках данного методологического подхода были разработаны *Данилевским*, *Шпенглером*, *Тойнби*.

Культурологический плюрализм оказал огромное влияние на современную философию культуры, но вызвал множество критических замечаний. Для исследователей, ориентированных на позитивистскую методологию, оказалась неприемлемой методология философии жизни с биологическими аналогиями, интуитивным познанием, мифологизацией исторического процесса. Обстоятельную критику цивилизационного подхода дал *Сорокин*, во многом являвшийся сторонником плюралистического подхода. Он указывал на отсутствие фундаментальных оснований и, следовательно, единого критерия для типологии культур, на смешение культурных систем и социальных групп, ошибочное упрощение модели при выделении только одного жизненного цикла, тогда как развитие культуры может протекать волнообразно; подчеркивал, что трудно выделить критерии зрелости, что нельзя говорить о гибели культуры в смысле полного исчезновения всех ее форм.

Лит.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991; Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993.

О. И. Горяинова

ЦИВИЛИЗАЦИЯ (от лат. — гражданский) — межэтнич. культурно-истор. общность людей, основания и критерии для выделения к-рой, как правило, разнятся в зависимости от контекста и целей применения этого термина. Понятие Ц. появилось еще в античную эпоху как определение качественного отличия античного об-

ва от варварского окружения. Позднее, в эпоху Просвещения и в 19 в., термин Ц. также использовался как характеристика высшей стадии социокультурного развития («дикость-варварство-Ц.»). В 20 в. в трудах *Шпенглера*, а затем *Тойнби* сформировалось иное значение этого термина как локальной моно- или полиэтнич. общности с выраженной социокультурной спецификой, т.е. концепция «истор. Ц.» (древнеегип., вавилон., греч., рим., инд., визант., мусульманской, ср.-век. зап.-европ. и т.п.). Были разработаны разл. теории и концепции истор. процесса на основе идей саморазвития и саморазрушения автономных и самодостаточных локальных Ц., противопоставляемые теориям глобальной истор. эволюции всего человечества. Именно в подобном значении термин Ц., как правило, используется в совр. научной лит-ре.

Вместе с тем, несмотря на наличие опр. эмпирич. оснований для выделения локальных Ц., в науке до сих пор не разработаны единые методол. принципы и критерии для классификации той или иной истор. общности в качестве автономной Ц., что представляется наиболее очевидной слабостью всех теорий Ц. В последние годы получает распространение определение Ц. как локальной межэтнич. общности, формирующейся на основе единства истор. судьбы народов, проживающих в одном регионе, длительного и тесного культурного взаимодействия и культурного обмена между ними, в рез-те чего складывается высокий уровень сходства в институциональных формах и механизмах их социальной организации и регуляции (правовых и полит. системах, специализир. компонентах и формах хоз. уклада, религиозно-конфессиональных ин-тах, в философии, науке, системах образования, стилистике лит. и худож. творчества и т.п.), при сохранении большего или меньшего разнообразия в чертах этногр. культур народов, составляющих ту или иную Ц. Чаще всего такого рода Ц. складываются на основании длит. вхождения разных народов в состав единого многонац. гос-ва, что задает всем им однотипную традицию ин-тов социал. регуляции (например, Ц. рим. мира, кит. Ц., рос. Ц.) или на основании религ. единства, формирующего такого же рода единообразие системы ценностей и механизмов регуляции социальной практики (мусульманская Ц., ср.-век. вост. и зап.-христ. Ц.) и т.п. Так или иначе, но во всех перечисленных случаях элементы культурного единообразия складывались не стихийно, а под воздействием именно институциональных средств социальной организации и регуляции, детерминировавших уже и специфику ценностных ориентации, и принципы социальной консолидации, и пр.

Использование категории Ц. представляется наиболее операциональным при проведении компаративных и кросскультурных исследований разл. региональных истор. сообществ как культурно-истор. типов.

Лит.: Маркарян Э.С. О концепции локальных цивилизаций. Ер., 1962; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991; Тойнби А. Постижение истории. М., 1991; История европейской цивилизации в русской науке: Античное наследие. М., 1991; Новикова Л.И. Цивилизация как идея и как объяснительный принцип истор. процесса// Цивилизации. Вып. 1. М., 1992; Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993; Ерасов В.С. О статусе культурно-цивилизационных исследований// Цивилизации и культуры. Вып. 1. М., 1994.

А.Я. Флиер

ЦИОЛКОВСКИЙ Константин Эдуардович (1857 - 1935) — ученый, мыслитель, один из основателей космонавтики, разработавший также филос. и культурологич. аспекты космологии. С 1873 жил в Москве, занимался самообразованием, посещая сначала Чертковскую, затем Румянцевскую библиотеку. Там он познакомился с основоположником рус. космизма *Н.Ф. Федоровым*, заменившим Ц., по собственному его свидетельству, университет, профессором. В 1879 Ц. сдал экстерном экзамен на звание учителя арифметики и геометрии с правом преподавания в уездных училищах и получил место в Боровске; в 1892 был переведен в Калугу, где прожил до конца жизни.

Всю свою жизнь мыслитель посвятил преподаванию, однако, центр, место в его творчестве занимает научно-теор. деятельность. В центре его теор. интересов лежали проблемы смысла космоса в целом, места человека в космосе, конечности или бесконечности человеч. существования. Уже с конца прошлого и в начале нашего века вышли в свет научно-фантастич. повести Ц. «На Луне», «Вне Земли», «Грезы о Земле и небе». В 1903 в журн. «Научное обозрение» была напечатана его статья «Исследования мировых пространств космическими приборами», где ученый вывел ставшую позднее классической формулу конечной скорости движения ракеты. В это время идеи великого мыслителя были никем не замечены. Только в к. 20-х гг., когда идеи Ц. распространились в обществ. и культурных кругах, питая популярный тогда пафос космизма, были переизданы его статьи о ракете. Ученый приобрел мировую известность и стал признанным главой нового научного направления — ракетодинамики и астронавтики.

В своей «космич. философии» Ц. исходил из принципа монизма, противопоставляя его религ. дуализму. Научный материализм должен быть дополнен ответом на вопрос о смысле Вселенной. Он провозглашал космич. пантеизм, признавая наличие во Вселенной одной субстанции, единственной силы — материи в ее бесконечном превращении. В труде «Будущее Земли и человечества» он отмечал, что материя существует во Вселенной в виде своих вечных, неуничтожимых элементов — атомов, обладающих чувствительностью и зачатками духовности. Смерть человека есть лишь разрушение тела, сознания и памяти; составляющие человека атомы бессмертны как элементарные живые существа, поэтому они, путешествуя по космосу, будут входить в состав других жизненных форм.

По мнению Ц., жизнь в космосе представлена самыми разнообразными формами на различных ступенях развития, вплоть до совершеннейших, высокосознат. и бессмертных ее представителей; Вселенная — единое материальное тело, по к-рому бесконечно путешествуют атомы — «первобытные граждане» — покинувшие распавшиеся смертные тела. Истинная жизнь для них начнется в мозгу высших, бессмертных существ космоса: в новом существовании человек теряет тождество своей собственной личности. Т.о., Ц. выступает за перспективы атомарного бессмертия, центром его космич. «научной этики» оказывается не личность с ее внутр. творч. развитием, а космос в целом. Воля человека и всяких других существ, высших и низших, есть только проявление воли Вселенной. Голос человека, его мысли, открытия, понятия, истины и заблуждения — это тоже голос Вселенной. Человечество составляет лишь ничтожно малую часть всех разумных существ, населяющих необъятный Космос.

Наиболее значимой частью космич. философии Ц., в к-рой вполне отчетливо проявляются его ноосферные представления, является ее активно-эволюционное ядро: убежденность в восходящем развитии мира и самой природы человека, когда его разум и сущностные силы становятся сознат. орудием такого восхождения. Мыслитель первым увидел в космосе не только некую беспредельную физич. среду, вместилище материи и энергии, а потенциально пригодное поприще для будущего как биол., так и социального существования и творчества землян.

Разрабатывая идею единства человека и космоса, Ц. считал, что жизнь и разум представляют собой фундаментальные атрибуты материального мира. Обществ, разумные существа разл. степени совершенства, по его мнению, возникают с необходимостью в процессах космич. эволюции. Поэтому формы, в к-рых жизнь и разум воплотились на Земле, есть только одно из проявлений присущего материи стремления к прогрессивному развитию. «Культурный смысл» Вселенной состоит в неизбежности возникновения высокоразвитых цивилизаций, способных влиять на структуру космоса, протекающие в нем эволюционные процессы и развитие творч. преобразоват. усилий сознат. существ.

Ц. предвосхитил обсуждение многих глобальных проблем человечества, в частности, экологич. проблему. В работе «Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение» он создал модель автотрофного (самопитающегося) организма — существа, максимально независимого от всех ограничивающих условий человек. существования, вплоть до пищи. Подобное существо имеет постоянную массу, мыслит, двигается, питаясь особой «лучистой энергией», поступающей из космоса. Проникающие в это герметически изолированное от внешнего мира существо лучи света способствуют замкнутому циклу процессов обмена, к-рый не предполагает остановки или конца.

Одним из наиболее вероятных путей творч. развития человечества Ц. считал освоение космич. пространства. Уже совр. человечество, по его мнению, в состоянии выйти в космос, освоить околоземное пространство, а затем начать расселение во Вселенной. Создание ракет но-космич. техники мыслилось им как средство для решения этой задачи.

Оригинальна и значима позиция Ц. относительно проблемы контакта с представителями других миров и взаимосвязи всего живого и неживого в космосе. Обществ, организация человечества, по мысли ученого, высказанной в работах «Научная этика» и «Обществ, организация человечества», должна строиться на основе новой, космич. этики, к-рая предполагает «круговую поруку» всех нравственных существ, выработку этич. основ контакта с инопланетянами, признание необходимости совместного труда для преобразования космоса.

Космич. философия Ц. — первая попытка систематич. изложения проблем, характерных для начала новой космич. культурной эры в жизни человечества. Несмотря на то, что мысли ученого были обращены в будущее, он подчеркивал роль и значение совр. цивилизации как начала космич. эры в развитии человечества, утверждая оптимизм и укрепляя надежды людей на успешное преодоление всех социальных коллизий, к-рые характерны для совр. культуры.

Соч.: Собр. соч. Т. 1-4. М., 1951-64; Монизм Вселенной; Космич. философия // Рус. космизм. Антология филос. мысли. М., 1993.

Лит.: Арлазоров М.С. Циолковский. Тула, 1977; Космодемьянский А.А. Впереди своего века. М., 1970; Он же. Константин Эдуардович Циолковский. М., 1976.

И. В. Цвык